

Budzhak Topos in the Ukrainian Danube Region Poetry

Halyna Raibedyuk¹

Abstract: The article deals with the creative works of modern Russian-speaking poets of Budzhak (Oksana Kartelyan, Sergei Levin, Marina Kopanoy, Lyudmila Oleynik, Nadezhda Parshikhina, Yuri Yakimenko and others). In their lyrics the peculiarities of verbal integration of the key markers of the geographical component in the authors' world pictures are revealed. The main attention is focused on the characteristics of individual modes of the Budzhak topos representation in the creative practice of this circle of poets. The vision of the regional space in their poems is presented through a system of images and motifs associated with the Danube toponyms as markers of a particular territory and as original artistic structures. It is noted that among the most frequent toponyms the artistic world of Russian-speaking poets of Budzhak was formed by two of their varieties: oikonoms (Izmail, Kiliya, Bolgrad) and hydronyms (Danube river, Yalpus lake). The ideological and aesthetic role of poetonoms in the author's text and in the general context of the regional literature of the Danube region is traced and characterized.

Keywords: poetry; art world; identity; toponym; Budzhak topos; image; symbol; regional literature

Топос Буджака в поэзии Украинского Приднэвья

Дискурс современной гуманитаристики последних лет ознаменован активным вниманием ученых к этнической, локальной специфике культуры полиэтнических регионов Украины. Эти тенденции продиктованы социальной глобализацией, характеризующей сегодня многие сферы жизнедеятельности человека во всем мире. Предполагая немало существенных положительных аспектов (в частности, консолидация жителей территории, преодоление межнациональных противоречий и конфликтов, экономическая стабильность), тотальная глобализация способствует созданию гомогенной культуры. Одним из ее вызовов является частичная потеря важных составляющих национальной идентичности этносов полиэтнических регионов, к которым принадлежит

¹ Associate Professor, PhD, Izmail State University of Humanities, Ukraine, Address: Repina St, 12, Izmail, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841)51388, Corresponding author: raibedyuk@gmail.com.

Буджак (Южная Бессарабия/Придунавье). Культура этой части Украины, развиваясь в общенациональном духовном пространстве, наделена присущими ей особенностями, поскольку является достаточно “сложной многоуровневой и многоаспектной структурой, сформировавшейся под влиянием комплекса специфических региональных факторов” (Ostrovskaya, 2010, p. 124).

Буджак богат фольклорными и литературными традициями, обусловленными органическим синтезом устнопоэтического и художественного начала проживающих на его территории этносов, который плодотворно осваивается и творчески осмысливается здешними художниками слова издавна и поныне. Синтетические поликультурные образные структуры, а также их инокультурные наслоения, специфика языка, имманентные атрибуты идентичности каждого этноса нашли свое отражение в общелитературной панораме края – и прошлого, и сегодняшнего дня. Следовательно, творчество его представителей интегрировало универсальные и в то же время этноментальные образы и мотивы, имеющие преимущественно архетипное происхождение (степь, земля, дом, вода/река и др). В индивидуальной картине мира каждого автора эти художественные феномены функционируют, с одной стороны, як текстуальный модус этнонациональной идентичности, а с другой – как полиструктурное художественное явление универсального характера. Поэтому всестороннее изучение эстетической природы лирики поэтов буджакского региона в их разнообразии требует внимания к специфике сознания этноса, культурного контекста и каждой творческой личности в пределах литературных тенденций и сугубо индивидуальной поэтики.

Эстетический уровень литературного ландшафта Буджака существенно определяет творчество русскоязычных поэтов разных поколений. В этом перечне такие известные в Бессарабии (в некоторых случаях и за ее пределами) имена: Александр Вигер, Иван Дерменжи, Оксана Картельян, Леонид Ковалев, Марина Копаной, Сергей Левин, Людмила Олейник, Надежда Паршихина, Юлия Радом, Евгения Томша, Юрий Якименко и др. Появившись на литературном горизонте в последнее десятилетие, лирика этих авторов заслужено стала знаковой визиткой культуры придунайского края и занимает видное место в контексте творчества местных поэтов, которые пишут на украинском (Михаил Василюк, Валерий Выходцев, Тамила Кибкало, Галина Лыса, Владимир Рева, Владимир Семейко), болгарском (Петр Бурлак-Волканов, Георгий Барбаров, Нико Стоянов, Анна Терзивец), румынском

(Вадим Бачинский, Ион Быку, Виктор Капсамун, Ефросинья Кожокару) и других языках многонационального юга Украины.

История культуры Бессарабии связана с биографией многих известных в мире писателей (Овидия, Ботева, Котляревского, Коцюбинского и др.). Среди них на особое место претендует фигура Александра Пушкина. Его имя в творчестве поэтов Буджака присутствует на уровне интертекста – реминисценций, аллюзий, эпитафий (поэма “Измаил” Л. Ковалева, стихотворения С. Левина: “Здравствуй, город на реке!”, “Наш перекресток снова оживет”). Путешествие классика русской литературы в декабре 1821 года по Бессарабии оставило в его душе глубокие незабываемые впечатления. Среди биографов писателя распространено мнение, что в его наследии и есть два стихотворения, в которых зафиксированы рефлексии поэта от встречи с бессарабским краем: “К Овидию” (1821), послание “Баратынскому” (1822). Важным кажется то, что второе стихотворение имеет подзаголовок “Из Бессарабии”, которое ярко свидетельствует в пользу приведенной выше гипотезы (Trubetskoу, 1990).

Для многих художников слова Придунавья, как и для А. Пушкина, источником вдохновения, следовательно, и образной системы стала “священная для души поэта” бессарабская земля, на которой “доньне тень Назона/ Дунайских ищет берегов” (Pushkin, 1974, p. 144). Значительную часть их творческого наследия посвящено родному краю и воспоминаниям о дорогой сердцу Бессарабии. О важности этой поэтической темы для местных авторов свидетельствуют названия стихотворений (“Бессарабия” Л. Олейник, “Бессарабия, край мой родной” Е. Андреевой, “Приезжайте в Бессарабию” Е. Томши, “Я славлю Бессарабию мою!” М. Баженовой, “Бессарабское солнце” И. Дерменжи, “А в Бессарабии осень хмельная” Н. Паршихиной).

В литературном ландшафте Буджака плодотворно функционирует многоголосие стилей и разнообразие художественных идентичностей. В то же время его представителей объединяет целый ряд общих мировоззренческих и эстетических приоритетов, типологических параллелей поэтики. В их лирических рефлексиях тесно сочетается множество художественных кодов. В этом контексте особая роль возложена на региональный дискурс, который структурирует “географическую принадлежность” текста. Авторскую картину мира каждого из представленного выше круга бессарабских поэтов в большей или меньшей степени определяют такие тематические доминанты: воспевание красоты родного края, его волшебной природы и богатых даров,

безграничного пространства буджакской степи и величия безбрежного голубого Дуная, отражение страниц истории Буджака и художественное осмысление современности этого полиэтнического региона южной Украины. Типологически близки стихотворения здешних авторов также ярко выраженным романтическим пафосом и возвышенной интонацией в изображении бессарабских пейзажей: *“Я перед степью бессарабской/ Хочу колени преклонить”* (Yakimenko, 2005, p. 6). Эти эстетические задачи поэты решают, используя такие традиционные художественные приемы, как гиперболизация и разнообразие стилистических фигур речи, которые придают стихотворениям особенную смысловую и стилистическую значимость, оригинальную образность и выразительность, светлую эмоциональную окраску слова: *“Много мест хороших, но/ Бессарабии нет лучше!”* (Parshihina, 2002, p. 118); *“Тот, кто гостем хоть раз побывал Придунайского края,/ Подтвердит, что не видел нигде он подобного рая...”* (Levin, 2001, p. 18).

Географическая составная авторской картины мира придунайских художников слова включает не только природные ландшафты, но и те символы и коды, которые представляют эстетически освоенное пространство – материальное и духовное. Эти эмблемы регионального континуума, отражая историко-культурную реальность края в системе творческих координат автора, формируют в общей картине литературного процесса Придунавья так называемый буджакский топос, если этот термин классической литературной теории понимать как тему, обуславливающую выбор данной мысли, данного образа из многих других, как синоним образа той или иной культуры. Применяя этот термин, обращаемся к известной концепции немецкого ученого середины прошлого века Эрнеста Роберта Курциуса. В его понимании топос представляет собой внеличностный элемент стиля, поскольку писатель в этом случае касается того “слоя исторической жизни, которая лежит глубже, нежели уровень индивидуального восприятия” (Kurtsius, 2007, p. 2). Это некая стереотипная матрица, предусматривающая факт повторяемости тех или иных образов и мотивов, стойких, традиционных формул, в некотором смысле близких к архетипам (Ю. Ковалив).

Подобной “матрицей”, помимо вечных ценностей, источником творчества для бессарабских авторов выступает региональный текст, который зачастую представлен жизненными проблемами края, его историей, природным ландшафтом. Особая роль в общей художественной концепции каждого из них принадлежит топонимной лексике, номинирующей местные реалии, а также

характеризирующим ее выразительным средствам языка. Необходимо отметить, что в буджакском топосе топонимы используются не как простой способ привязки повествования к бессарабскому пространству, а, в первую очередь, как выразительное средство. Выступая в тексте бесспорным маркером локуса конкретного хронотопа, каждый топоним содержит в себе определенный духовно-эстетический континуум, отображающий индивидуальную интерпретацию автора. Это, как правило, ойконимы, то есть названия населенных пунктов региона, зачастую с использованием их исторических атрибуций (“Измаил” Л. Ковалева, “Пахнет вишнежкой июль в Измаиле”, “Дорога на Килию” Н. Паршихиной; “Килия” А. Ефименко; “Болград”, “Чийшия”, “Чушмелий” И. Дерменжи; “АРТ БАТ ФЕСТ на Татару” М. Копаной и др.). Встречаются также топонимные парафразы, выражающие дополнительные семантические оттенки значения отображенного, а вместе с этим – новые аспекты авторской эмоциональной оценки (Измаил – “город на реке”, “Родная сторонка” (С. Левина); “на Дунае город – древний, славный” (М. Копаной); “Малая Родина” Ю. Якименко; “Благодатный край” Н. Паршихиной). Эстетическая роль топонимов, таким образом, выходит далеко за пределы информационной функции, приобретая значение художественного смысла (поэтонима).

Значительное место в буджакском топосе лирики придунайских поэтов принадлежит образу города Измаил. Об этом свидетельствует и частота использования, и разноплановость ассоциативного ряда, созданного ресурсами топонимной лексики (“Измаильская сказка” С. Левина, “Измаильский вальс” Н. Паршихиной, “Измаильский парк” О. Вигера). Похожие стилистические приемы подчеркивают причастность автора к родному краю, выражают положительную энергетику его чувств и переживаний. В случае отсутствия названия конкретного населенного пункта, поэты демонстрируют уникальную способность изобразить картину настолько детально и красочно, что перед читателем встает и ландшафтный локус, и весь его культурно-исторический антураж или же субъективный образ на уровне отдаленных ассоциаций и узнаваемых урбанонимов (названия известных в городе объектов). Наглядным примером может быть стихотворение “Милый город” Л. Олейник: *“Даже лучшим домом на Майями/ Я не соблазнюсь. Чтоб не расстаться/ Ни с проспектом “Школьным”, ни с Дунаем,/ Ни Собора легкими крылами”* (Oleynik, 2000, p. 120). Имеется в виду Покровский собор в Измаиле, образ которого присутствует в лирическом ландшафте буджакского топоса и во многих произведениях других бессарабских авторов: “Собор

Покровский – гордость Измаила” (М. Копаной), “Купола Покровского собора” (С. Левин). Оригинальное графическое прочтение по вертикали строфы слова “Измаил” демонстрирует своими стихотворениями О. Картельян:

И снова всем влюбленным не до сна.

Зима бежит, и на престол восходит

Мечтательная, юная весна...

Ах, как звонка капель, нежны слова

И жесты полны прелести немой –

Любовью дышит милый город мой (Kartelyan, 2001, p. 45).

Присущая образным структурам, формирующим в художественном пространстве стихотворений бессарабских поэтов буджакский топос, эмоциональная насыщенность придает собственным названиям смысловую и эстетическую выразительность, дополняет глубоко лирическое выражение чувств к близким сердцу автора родным местам. В каждом случае конкретный географический локус приобретает художественно-образное воплощение: “*Овевает тебя знойный ветер степной/ И буджакская степь улыбается,/ Килия, Килия – ты – мой город родной,/ Пусть в веках твое имя прославится*” (Confession of the heart, 2010, p. 91). Встречается в некоторых текстах и сконцентрированная информация об исторических истоках региона: “*Был здесь раньше древний Смил,/ А сегодня Измаил/ Протянул объятия Дунаю...*” (Levin, 2001, p. 13). Элементы регионального колорита в сюжете лирических произведений местных авторов, таким образом, преимущественно являются неотъемлемой составной индивидуального “Я” художника слова. Поэтому, несмотря на внешнее сходство, региональные маркеры текста в разнообразных художественных контекстах в каждом отдельном случае свидетельствуют об их творческой интерпретации. Приведем несколько иллюстраций: “*Бессарабия! Любовь моя.../ Здесь тобой навек околдован я,/ Синева небес васильковая!*” (Oleinik, 2000, p. 117); “*Измаил – в ритме вальса кружат листья пышного сада,/ Измаил, ты душе моей крылья, а сердцу отрада*” (Levin, 2001, p. 18). Цитированные фрагменты характеризуют поэта как творческую личность, способную реализовать свою идентичность как “систему онтологических, эстетических и этических убеждений художника, возникающих во время его идентификации” (Problems of identities, 2018, p. 168).

В поэзии придунайских авторов достаточно часто встречаем в качестве структурных составных буджакского топоса гидронимы – названия наиболее известных водных пространств Бессарабии (река Дунай, озеро Ялпуг). Довольно ощутимое преимущество в общей мотивной сфере многих стихотворений здешних авторов обведено образу Дуная, который выступает символом родного края. Именно в таком контексте представлена ими реальная река – одна из наиболее важных “водных артерий Европы” (А. Астафьев). В лирических рефлексиях образ Дуная воспринимается как носитель авторской экспрессии, причастности его “Я” к изображению. Следовательно, у каждого из поэтов этот концептуальный символ буджакского топоса наделен ярко выраженными индивидуальными художественными особенностями: “Величавый Дунай расступился волной” (А. Сфименко); “Волны памяти, будто бы волны седого Дуная”; “Он [Дунай] – как завязь души” (С. Левин); “Цветущий южный край, где голубой Дунай...” (Н. Паршихина); “Вижу я берег родного Дуная” (Ю. Якименко). В лирическом нарративе буджакского топоса четко проглядывают языковые особенности многонационального Придунавья: *“Наречья все слышны, и песни о любви/ плывут, плывут над голубым Дунаем”* (Parshihina, 2002, p. 117). Ассоциативное поле с центральной лексемой “Дунай” и ее инвариантами формирует целостный миф, олицетворяющий историю и современность Буджака. Зачастую этот образ сочетается с узнаваемым онимным пространством бессарабского края: *“Придунайский край –/ Благодатный край,/ Приютила здесь всех река Дунай”* (Parshihina, 2002, p. 118); *“Величавый Дунай/ Расступился волной,/ Выпуская на берег красавицу./ Килия, Килия, ты – мой город родной...”* (Confession of the heart, 2010, p. 91).

Оригинальный аспект художественного воплощения “дунайской” образности представлен в контексте медитативных размышлений об универсалиях бытия, а также эмоционально-психологических состояний лирического героя/героини: *“И болею разлукой, и времени бегу печальюсь,/ И туманом ложится печаль над дунайской волной”* (Oleynik, 2000, p. 117). Не менее интересны и ассоциации “дунайской” тематики с наиболее тонкими душевными переживаниями в глубоко личностных откровениях любовной лирики. Таковым является, к примеру, стихотворение “Наша осень” С. Левина: *“...Путь вдоль берега Дуная –/ Это путь меж “да” и “нет””* (Levin, 2001, p. 22). Похожие рефлексии этот автор проектирует и на гидроним Ялпуг (самое большое озеро лиманного типа в Украине, находящееся в Болградском, Измаильском и Ренийском районах Одесской области). Подобно Дунаю, Ялпуг со своей естественной гармонией и ландшафтом для бессарабских поэтов

является символом любви к родной земле, знаком не столько ее географической визитки, сколько духовного мира человека. Так, в стихотворении “Вечер на Ялпуге” С. Левин в романтическом ключе воспевает красоту буджакского оазиса посредством аналогии с высоким чувством любви. Эти равнозначные интенции автора формируют единую душевную гармонию. Эмоциональную атмосферу лирического текста подчеркивает региональный локусный фон:

Венчал нас радугой Ялуг,

Закат раскрасил охрой тучи,

Здесь шепот волн ласкал нам слух

И замирал камыш под кручей (Levin, 2001, p. 25).

Таким образом, идейно-тематические доминанты и мотивно-образные структуры поэзии Буджака представляют широкий спектр ассоциаций, связанных с особенностями ландшафта и культурными традициями южнобессарабского края. Проанализированные в статье стихотворения репрезентантов поликультурного придунайского региона засвидетельствовали уникальную грань духовного пространства современной Украины в его богатстве и разнообразии.

References

*** (2018). *Problems of identities in modern Ukrainian literature: dimensions of the “Coronation of the word”*: collective monograph/ Проблеми ідентичностей у сучасній українській літературі: виміри “Коронації слова” колективна монографія. Чернівці: Видавничий дім “Букрек”, p. 224.

***(2010). *Confession of the heart/ Сповідь серця*. збірка віршів кілійського районного літературного об’єднання “Дунайська хвиля”/ Collection of poems of the Kiliya district literary association "Danube Wave" X Харків-Ізмаїл, p. 144.

Kartelyan, O. (2001). *Naked soul/ Обнаженная душа*. Измаил : СМІЛ, p. 63.

Kurtsius, E. (2007). *European literature and the Latin Middle Ages/ Європейська література і латинське середньовіччя*. Львів: Літопис, p. 752.

Levin, S. (2001). *Light the Dawn: Poems and Songs/ Зажечь рассвет: Стихотворения и песни*. Одесса : Друк, p. 200.

Oleynik, L. (2000). *Love? Love... Love!/ Любовь? Любовь... Любовь!* Измаил, p. 128.

Ostrovskaya, M. (2010). Regional culture as a structural element of national culture/ Регіональна культура як структуроутворюючий елемент національної культури. *Вісник КНУКіМ. Серія : Мистецтвознавство*. Київ. № 4, pp. 124-129.

Parshihina, N. (2002). *Minutes of joy and sadness.../ Минуты радости и грусти...* Измаил, p. 180.

Pushkin, A. (1974). *Collection of works/ Сочинения: в 3-х т.* Москва: Художественная литература. Т.1. p. 536.

Trubetskoу, B. (1990). *Pushkin in Moldavia/ Пушкин в Молдавии: монография*. Кишинеу: Литература артистикэ, p. 477.

Yakimenko, Yu. (2005). *Happy outskirts/ Счастливая окраина*. Запорожье: Просвіта, p. 84.